

О СЕРГЕЕВЕ А. В. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

СЕРГЕЕВ Александр Владимирович, родился в 1880-х. Получил военное образование; кадровый офицер русской императорской армии; в 1914 — на фронте в чине полковника, был ранен и контужен; с 1918 — воевал в Белой армии. В 1922 — добровольно сдался властям в Бийске. Заключен в тюрьму, через одиннадцать месяцев освобожден. Проживал в Новосибирске, работал бухгалтером в Губернском финансовом отделе, затем — в местной конторе Доброфлота. В феврале 1924 — женился на Марии Иннокентьевне Сергеевой. В мае 1924 — арестован, в августе приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в При-ангарский край. В феврале 1927 — арестован в ссылке и отправлен в Алма-Ату, затем переведен в Кызыл-Орду.

В июне 1928 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью его жена, Мария Иннокентьевна Сергеева.

<20 июня 1928>

«Екатерине Павловне Пешковой

от гр<ажданки> Сергеевой
Марии Иннокентьевны,
проживающей в г<ороде>
Новосиб<ирске> по Инской улице
(Закаменка) в доме 42

Заявление

По неблагоприятно сложившимся для меня обстоятельствам чисто материального характера (я безработная с 1 октября 1927 года), я не имею возможности ехать в Москву и в личной беседе с Вами изложить сущность дела моего мужа, моего горя и моего бессилия, по крайней мере, до сих пор показать Правительству невинность мужа в предъявленных ему обвинениях. Прошу Вас выслушать мой искренний рассказ о наших злоключениях в течение четырех с лишком лет, принять участие в деле мужа и облегчить его участь.

Александр Владимирович СЕРГЕЕВ (мой муж), бывший офицер старой армии (полковник), мобилизованный Временным правительством в гражданскую войну, он в 1922 году с отрядом генерала Бакича добровольно сдался Сов<етской> власти, и из города Бийска был привезен в Ново-Николаевск (теперь Новосибирск). Заключенный в ГПУ, после одиннадцати месяцев под следствием, муж был выпущен без суда, за прекращением дела и удостоверение за № 6454/С, выданное НовоНиколаевским Губ<ернским> Отделом ГПУ, подтверждало его право на свободу. По выходе из ГПУ муж поступил в местный Гу<бернский> фин<ансовый> отдел, затем в местную контору Доброфлота, где зарекомендовал себя хорошим счетным работником, пользовался доверием со стороны руководителей учреждения и был принят в Профсоюз.

Никакой политикой муж не занимался, у него было одно искреннее желание — отдохнуть от пережитого, от той кошмарной обстановки, сделавшей его больным, в которой он находился сначала на фронте 1914 года, будучи не раз ранен и контужен, затем в отряде Бакича и, наконец, в заключении почти год. Женившись на мне в феврале 1924 года, муж в спокойной семейной обстановке пробыл короткое время (только три с половиной месяца) и в конце мая <19>24 года был арестован. После трехмесячного предварительного заключения его в конечном итоге сослали в Приангарский край в ссылку сроком на три года. Время ссылки мы переживали в разлуке: я служила и помогала ему там существовать. За

три месяца до окончания срока мужа на месте ссылки арестовывают и через Новосибирск этапным порядком направляют в Алма-Ату (быв<ший> Верный, ныне Джетысуйской области). Причина этого ареста мне с точностью не известна, но, насколько я знаю, муж привлечен к ответственности за службу у "белых" в 1918-19 годах (в частности в армии атамана Анненкова). Его обвиняют, во-первых, в том, что, будучи нач<альником> гар<ажа> <на> ст<анции> Сергиопольской быв<шей> Семиреченской области, он якобы творил там расстрелы и насилия, и во-вторых, — в участии в расстреле и насилии над семьей полковника Луговского на границе Китая, так называемом перевале Сельке.

Муж отрицает свою виновность, заявляя, что нач<альником> гар<ажа> Сергиополя он был максимум две недели, и что власть по Сергиополю не была сосредоточена в его руках, т<о> е<сть> проходящие части мужу в строевом и оперативном отношении подчинены не были. Сергиополь в этот момент занимался отступавшими из Кустаная войсками генерала Дутова и дезорганизованными частями генерала Эфтина, которые, во-первых, не были подчинены Анненкову, а, во-вторых, не считались с каким-либо начальством. Что Сергиополь вообще никакому разгрому в бытность его нач<альником> гар<ажа> не подвергался, а просто жители Сергиополя, казаки, почти поголовно ушли с Анненковым в Китай, оставив для охраны домов лишь одних стариков, что и создавало картину запустения города. Что в бытность мужа нач<альником> гар<ажа> никаких массовых расстрелов в Сергиополе не производилось, а обилие трупов на городских площадях, бывшее в момент вступления в город Красной Армии, объясняется тем, что в отступавших частях Дутова и Эфтина царила ужасающая смертность от сыпного тифа, причем, умершие, за недостатком санитарных сил и средств, складывались кучами на площадях города.

Надо отметить, что все эти объяснения мужа нашли себе подтверждение в материалах процесса Анненкова, рассмотренного Выездной Сессией Военной Коллегии Верх<овного> суда СССР в июле-августе 1927 года в городе Семипалатинске (председательствовал Член Военной Коллегии Верх<овного> суда СССР тов<арищ> МЕНГАЛЕВ, обвинял Помощник Прокурора Верх<овного> суда СССР П. И. ПАВЛОВСКИЙ). По данным этого громкого процесса видно, что никакого разгрома анненковцами гор<ода> Сергиополя не производилось, что в Сергиополе была ужасающая смертность от тифа, что анненковцами при отступлении из Сергиополя по тракту на Урджары бесчинств не производилось, ибо анненковцы отступали по тракту на Лепсинск, со стороны жителей коего никаких жалоб на процессе не было.

В частности, фамилия моего мужа, как героя карательных операций, на процессе Анненкова, при освещении, так называемого "Сергиопольского эпизода", даже не упоминалась, между тем, этот процесс, в котором участвовало свыше сотни свидетелей, сплошь враждебных Анненкову и анненковщине, досконально выявил фамилии всех карателей из Анненковской армии. Вот почему я смею утверждать, что обвинение мужа в этом направлении является результатом или плохой информации об этой странице гражданской войны следственных органов, или результатом чьего-то оговора, причем, возможно, что лицо оговаривающее хочет свалить свою вину на ни в чем неповинного СЕРГЕЕВА, моего мужа.

По второму обвинению (насилие над семьей полковника Луговского) муж говорит, что на границе Китая в армии Анненкова такой случай действительно был, судом это дело разбиралось, и были точно установлены виновники — сотник Васильев, хорунжий Шульгин, Ганага и несколько казаков. Судом они были приговорены к расстрелу. Генерал

Бакич предпринял вторичное разбирательство этого дела в гор<оде> Чугучаке (Китай), которое опять-таки подтвердило непричастность мужа ни к расстрелу, ни к насилию.

Муж и в данном случае говорит правду. Если обратиться к данным процесса Анненкова, претендующим на историческую достоверность, то мы увидим, что фамилия мужа не упоминается в числе насильников над семьей Луговского. не так давно вышедшая в свет брошюра Пом<ощника> Прокурора Верх<овного> суда СССР тов<арища> П. И. ПАВЛОВСКОГО под названием "Анненковщина" на странице 85 дает более или менее подробное описание драмы на Сельке, в ней названы фамилии участников ее, но фамилии моего мужа и здесь отсутствует. А между тем (что я особенно прошу Вас иметь в виду), эта брошюра составлена на основании стенографического отчета процесса Анненкова и на основании нескольких десятков свидетельских показаний касательно обстановки вышеуказанных насилий. В брошюре не указано с точностью только одно важное обстоятельство, которое было засвидетельствовано на процессе, что все участники насилий были зарублены белыми казаками, и спасся только один Васильев, которого казаки все-таки поймали в гор<оде> Кульдже (Китай) и уморили голодом. Как же при таких условиях мой муж мог попасть в число этих насильников и тем более избавиться от справедливого возмездия со стороны возмущенных оренбургских казаков? Все эти соображения убеждают в полной невинности мужа и по второму обвинению.

Надо отметить, что эти оба обвинения мужа уже были предметом тщательного разбирательства следственных органов в Новониколаевске в мае м<еся>це 1922 года, после того как муж с отрядом Бакича был привезен из Бийска в Новониколаевск и находился в заключении под следствием. Муж сам не скрывал своего прошлого и на допросе в Особом Отделе 5 Армии дал отчет о своих действиях на белой службе как в Сибири (начгарство на станции Сергиопольской), так и в Китае. Случай на Сельске был также рассказан мужем и прошел через следствие. Показания бывш<их> бакичан и весь следственный материал допроса послужил основанием к освобождению мужа и прекращению его дела. Это обстоятельство реабилитирует мужа, ибо следствие располагало показаниями сослуживцев мужа — не одним человеком и длилось около года.

Но Вы, конечно, отлично поймете, насколько трудно мужу, почти невозможно восстановить свою непричастность к тому или иному действию белогвардейцев: со времени гражданской войны в Сибири прошло уже более 7-8 лет, в течение которых многое изменилось, беспристрастные свидетели поразъехались неизвестно куда, а фамилии многих позабылись, да к тому же лишенный свободы муж сделать что-либо в свою защиту не может. Его положение еще ухудшается тем, что он по происхождению дворянин, сын помещика, бывший кадровый офицер, и, конечно, все его заверения в невинности воспринимаются следственными органами с предубеждением.

Для реабилитации мужа я делала все, что можно было сделать: писала прокурору Джетысуйской области (где муж сейчас находится) с просьбой применения амнистии к мужу и освобождения его по пункту 4; в Военную Коллегию Верх<овного> суда СССР с просьбой дать справки из дела Анненкова, убеждающие, что муж не состоял в числе анненковских карателей и насильников; в П<олномочное> П<редставительство> ОГПУ по Сиб<ирскому> краю (Новосибирск) с просьбой дать копию № 6454/С, по которому дело мужа прекратилось, и он получил свободу, и копию показания допроса его и бакичан в Особом Отделе. Но все попытки с моей стороны в этом направлении не достигли желаемых результатов.

В силу этого, я вынуждена обратиться к Вам, товарищ Пешкова, с просьбой сообщить, в Московской ли Коллегии ОГПУ дело моего мужа или оно еще в Кзыл-Орде, в П<олномочном> П<редставительстве> ОГПУ? Что тогда делать? Я теряюсь совершенно. Если дело мужа в Москве, то состоялось ли решение по его делу — не откажитесь сообщить мне это решение.

20/VI 1928 года.
Новосибирск.

Р. С. Я очень горячо прошу Вас, тов<арищ> Пешкова, не оставить без ответа эту мою просьбу и сообщить мне все возможное по делу моего мужа. М. Сергеева»¹.

В июле 1928 — Мария Иннокентьевна Сергеева благодарила Екатерину Павловну Пешкову.

<5 июля 1928>

«Екатерине Павловне Пешковой

гр<ажданки> М. И. Сергеевой,
проживающей в г<ороде>
Н<ово>-Сибирске по Инской
ул<ице> в д<оме> № 42

Заявление.

Вы мне сообщили, что по делу моего мужа, Александра Владимировича Сергеева, мне надлежит обратиться в ОГПУ. Я Вам очень благодарна за это указание и в точности его исполняю.

Прилагая при сем свое заявление для передачи в ОГПУ, повторяю свою просьбу к Вам о помощи в решении участи моего мужа.

Не откажитесь, пожалуйста, известить меня о результате моего ходатайства, на что прилагаю марку на ответ.

Мария Сергеева.

5/VII 1928 г<ода>.
г<ород> Новосибирск»².

В октябре 1928 — Мария Иннокентьевна Сергеева вновь просила помощи Екатерины Павловны Пешковой.

<19 октября 1928>

«Екатерине Павловне Пешковой

Гр<ажданки> Марии Иннокентьевны
Сергеевой, проживающей в г<ороде>
Ново-Сибирске, по Инской ул<ице> в
д<оме> № 42 (Закаменка)

Заявление

С 5/VII с<его> г<ода> прошло более трех месяцев, как я, по Вашему указанию и через Ваше учреждение, отправила заявление в Коллегию ОГПУ по делу моего мужа, Александра Владимировича Сергеева.

В небольшой сопроводительной я просила Вас обратить внимание ОГПУ на то, что реабилитирующий мужа в предъявленных ему обвинениях

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 269. С. 51-52. Машинопись, подпись — автограф.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 269. С. 49. Автограф.

материал существует, и указала, где он находится. Я просила Вас, в случае сурового приговора, не отказаться в участии смягчения этого решения, приняв во внимание страдания мужа в течение пяти с лишком лет непрерывного наказания! Я также просила Вас не отказаться ответить о результате подачи моего заявления и, главное, по возможности, сообщить мне решение Коллегии ОГПУ по делу мужа. Возможно, что Вы и писали, да я не получила, но, думаю, что заявлениями и ходатайствами Вы перегружены и упомнить все не можете, — в силу этого, я решила написать Вам вторично.

Я Вам напоминаю, что дело мужа более трех месяцев тому назад из г<орода> Алма-Аты было отправлено в г<ород> Кзыл-Орда (столица Казахстана). Не имея от Вас ответа на мое заявление от 5/VII, т<о> е<сть> заявления в Коллегию ОГПУ г<орода> Москвы, я боюсь, что дело мужа где-то лежит в ожидании своего решения. Я не имею возможности узнать доподлинно, где же дело мужа, и кто решит его участь, — все попытки с моей стороны в этом направлении не достигли желаемых результатов.

В силу этого, я вынуждена обратиться к Вам, товарищ Пешкова, с просьбой сообщить, в Московской ли Коллегии ОГПУ дело моего мужа, или оно еще в Кзыл-Орде, в П<олномочном> П<редставительстве> ОГПУ? Что тогда делать? Я теряюсь совершенно. Если дело мужа в Москве, то состоялось ли решение по его делу — не откажитесь мне сообщить это решение.

Мария Сергеева.

Прилагаю марку на ответ в 10 коп<еек>.
19/X 1928 г<ода>.
г<ород> Новосибирск.

Р. С. Я очень горячо прошу Вас, тов<арищ> Пешкова, не оставить без ответа эту мою просьбу и сообщить мне все возможное по делу моего мужа.

М. Сергеева»³.

В начале ноября 1928 — заведующий юридическим отделом Помполита ошибочно сообщил Марии Иннокентьевне Сергеевой печальную весть.

<1 ноября 1928>

«Марии Иннокентьевне Сергеевой

Ново-Сибирск, Инская ул<ица>, д<ом> 42

В ответ на Ваш запрос, согласно справке, полученной из ОГПУ, сообщаю, что Вашего мужа, Сергеева А.В., нет в живых»⁴.

2 ноября 1928 — Мария Ивановна Сергеева получила из Помполита письмо с информацией, что ее мужа нет в живых, а 11 ноября — получила ответы на свои телеграммы: 1) от мужа Александра Владимировича Сергеева, подтвердившего, что он жив; 2) от прокурора, что дело мужа направлено на новое рассмотрение в Кзыл-Орду В середине ноября 1929 — Мария Иннокентьевна Сергеева сообщила Екатерине Павловне Пешковой.

<14 ноября 1928>

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 269. С. 48. Автограф.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 269. С. 47. Машинопись.

«Екатерине Павловне Пешковой

г<ажданки> М. И. Сергеевой,
г<ород> Ново-Сибирск, Инская,
42 (Закаменка)

Заявление

Ваше отношение от 1/XI с<его> г<ода> за № С-324 принесло мне очень печальное и тяжелое для меня известие относительно Александра Владимировича Сергеева, моего мужа. Я, конечно, до сих пор не могу спокойно реагировать на это сообщение и обойти его молчанием не могу в силу следующих обстоятельств: одновременно с письмом от Вас я получаю открытку из Алма-Аты от мужа, которая им датирована 23/X, совпадение столь противоречащих друг другу сообщений наводит меня на решение добиться истины. Для этого я в вечер 9/XI (когда я получила оба упомянутых письма) отправляю две телеграммы: одну мужу в Алма-Ату, в ИТД с запросом о его здоровье, другую в тот же город — Прокурору, которого прошу сообщить о положении мужа в Алма-Атинском Исправ<ительно>-труд<овом> доме. К моей великой радости, 11/XI вечером я получаю ответ от мужа, а на другой день, в такое же время, — сообщение от Прокурора о том, что "дело направлено <в> Кзыл-Орда (столица Казахстана) =прокурор Филиппов". Пережить Ваше извещение и, вслед за ним два других, столь противоречивых первому сообщению, не скрою от Вас, тов<арищ> Пешкова, мне было очень, очень тяжело! Сообщение от Вас подтвердило и убедило меня в той моей мысли, которую я еще раньше как-то Вам высказывала, что моего мужа, очевидно, продолжают смешивать с каким-то другим Сергеевым, возможно даже, что и Александром Владимировичем, т<ак> к<ак> фамилия "Сергеев", к несчастью, очень распространена, и ошибка подобного характера возможна, но трудно уловима для человека, не близко заинтересованного процессом всего дела. Я думаю, не в силу ли этого Вам дали неверную справку, и только ответ на телеграфный запрос подтвердил правильность предположения, что мужа смешивают с кем-то другим и, таким образом, суровость приговора всей своей тяжестью падает на голову мужа. Моя наиглубочайшая к Вам просьба, Екатерина Павловна, помочь мне разобраться в сложившейся столь неожиданно запутанности и своим авторитетным влиянием помочь мне выяснить истину, которая должна спасти мужа от смерти и смягчить надвигающееся новое ему наказание! Напоминаю Вам, что лишение свободы мужа продолжается почти пять лет, остроты своей не теряет, несмотря на то, что существует, и я указывала, где находится материал, реабилитирующий мужа в предъявленных к нему обвинениях! Вы можете снести с Кзыл-Ордой, где в настоящее время находится дело мужа, и она Вам ответит, в каком положении это дело, перешлетя или нет в Московскую Коллегию ОГПУ, и что ждет в недалеком будущем моего мужа и, значит, меня. Не откажитесь известить меня об этом, на что прилагаю марку в 10 копеек.

Мария Сергеева.

Г<ород> Новосибирск,
14/XI 28 года»⁵.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 269. С. 44. Автограф.